

Жуков о Сталине

Валерий Паульман

Ю. Жуков. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: «Вагриус». 2005

Ю.Жуков, безусловно, проделал большую работу. Сравнивая книгу Ю.Жукова с моей монографией, я хотел бы отметить то, что у меня деятельность И.Сталина прослеживалась на фоне и в связи с процессами становления и развития в СССР социалистической системы, чего практически нет у Ю.Жукова, и в этом состоит большой недостаток его книги. Ю.Жуков обошел проблему ликвидации военного коммунизма, НЭП, форсированное проведение коллективизации, волюнтаризм в планировании макроэкономических пропорций и т.д. Правда, он конспективно анализировал изменение международной обстановки.

Главное внимание Ю.Жуков обратил на подробное описание борьбы группировок в руководстве партии и государства, а также на раскрытие мельчайших деталей механизма работы карательных органов.

По Ю.Жукову получается, что вроде И.Сталин руководил процессом «реформирования» общественной жизни страны, принимая во внимание, как он пишет, конкретные исторические условия (внешние и внутренние). Он выставил И.Сталина как последовательного борца против левого и правого уклона в партии, расхвалив его за то, что «на XII партсъезде назвал надуманными заявления левых о начавшемся перерождении, бюрократизации партии» (с.14).

Справедливости ради, следует заметить, что при дальнейшем описании событий Ю.Жуков не стал отрицать очевидного, а именно того, «что произошло на XIV съезде, продемонстрировало наличие и более опасных симптомов — действительно начавшегося перерождения партии, точнее, отдельных ее губкомов, а вместе с ними и конференций, съездов. Губкомы становились ареной столкновений, сведения личных счетов, проявления неумеренной жадности власти, сопровождавшихся шельмованием политических противников. Партия все дальше уходила от роли, взятой ею же в Октябре, единственной власти в стране» (с.19).

Однако он явно преувеличивает роль И.Сталина, когда пишет, что «судя по последующим событиям, Сталин оказался единственным человеком в партийном руководстве, понявшим всю пагубность сложившегося положения. Он осознал, что РКП (б) почти исчерпала свои возможности, свершив то, ради чего и создавалась, — захват власти и ее удержание. Мирная созидательная работа требовала принципиально иной, кардинально перестроенной партии, призванной решать иные и по-иному, нежели прежде, задачи» (с.20). Этот негативный процесс отлично видел В.Ленин и многие члены ЦК. Недаром В.Ленин перед смертью предлагал увеличить число рабочих в высших структурах партийного аппарата.

В стране в 1920–1930-е годы происходил объективный процесс становления и усиления диктатуры

ры партийно–государственного аппарата. И И.Сталин был лишь продуктом этого процесса. Собственно партаппарат и вытолкнул его на роль лидера. Особенно это заметно, если внимательно вчитываться в произведения самого И.Сталина, а также стенограммы съездов, конференций и партактивов. Даже у Ю.Жукова при освещении им работы Пленума ЦК, когда обсуждалась «враждебная» деятельность А.Енукидзе, это хорошо видно. Выступавшие на Пленуме нажимали на все педали, стремясь перещеголять друг друга в нагнетании страстей, и И.Сталин не мог с этим не считаться. Показательно также выступление Р. Эйхе на декабрьском (1936 г.) пленуме ЦК, в котором он продемонстрировал воинственную нетерпимость и неприкрытую кровожадность. «Факты, вскрытые следствием, — гневно восклицал он, — обнаружили звериное лицо троцкистов перед всем миром... Старые буржуазные специалисты, организующие свои вредительские организации, ненавидящие рабочий класс, не шли на такие подлые факты, на такие подлые преступления, на которые шли троцкисты, на которые троцкисты толкали вредителей, — факты, которые мы вскрыли в Кемерово... Да какого черта, товарищи, отправлять таких людей в ссылку? Их нужно расстреливать! Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!». В то же время члены партийного актива, стремясь быть более радикальными, чем сам вождь, которому они советовали ужесточить политику репрессий, тем самым преследовали и своекорыстную цель самозащиты от возможных репрессивных акций против них самих. Вот что об этой хитрой тактике аппаратчиков пишет Ю.Жуков: «Такого рода выступления членов широкого руковод-

ства — как и несколькими днями ранее на съезде — свидетельствовали об очень многом. О том, что им крайне необходим образ врага, прежде всего, чтобы таким образом самоопределились как социальная группа. Свидетельствовали и о том, что они уже пытаются списать все свои собственные недостатки, ошибки, просчеты на происки врагов, коими избрали троцкистов. Наконец, и о том, что все они стремятся прочно связать себя, свою замкнутую социальную группу, со Сталиным, не только избегать тем самым уже обозначившего разрыва с ним, но и во что бы то ни стало поставить его в полную зависимость от себя и своих групповых интересов. А для этого обязательно связать себя со Сталиным нерасторжимыми узами крови, которую предстояло пролить. Более того, все подобные выступления, в том числе Бухарина и Рыкова, свидетельствовали и о готовности всех их признать врагами кого угодно, только не себя» (с. 320).

Теперь о принципиальных вопросах.

1. Многие до сих пор считают, что сталинская Конституция 1936 года была шагом вперед в процессе демократизации. Я же утверждаю обратное: Конституция 1936 года — это отказ от подлинных Советов, рожденных революциями 1905 и 1917 гг., и переход от прямой демократии к парламентской форме политического устройства, позволяющей манипулировать массами и прикрывать диктатуру партийно–государственного аппарата. В принципе такую же трактовку дает и Ю.Жуков (цитирую):

«Несомненно, слова Сталина в докладе на XVII съезде партии о возможности использовать парламентаризм и буржуазную демократию оказались далеко не случай-

ными и имели отношение не только к европейским странам. Именно от даты произнесения их, скорее всего, и следует вести отсчет медленно вызревавшей идеи конституционной реформы в СССР. Идеи, которая стала приобретать конкретные черты в мае 1934 г., но поначалу, возможно, мыслилась довольно скромно — всего лишь как внесение «изменений и дополнений» в основной закон» (с.114). «Сталин стремился полностью отказаться от той советской избирательной системы, достоинства которой пропагандировались шестнадцать лет, и перейти к иной, отвергаемой по принципиальным соображениям, уничтожительно называемой буржуазно-демократической» (с.118). «Мы, — заявил Молотов, — получаем таким образом дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных советов с непосредственными же выборами своего рода советских **парламентов** в республиках и **общесоюзного советского парламента** (выделено мной — Ю.Ж.)» (с.124).

«Послушание, продемонстрированное сначала участниками пленума, а вслед за тем и делегатами съезда Советов, в подавляющем большинстве коммунистами, отстаивавшими в революцию и гражданскую войну прямо противоположные фундаментальные положения — закрепленные Конституцией РСФСР, перенесенные в Конституцию СССР, вошедшие как незыблемые принципы в программу Коминтерна, принятую 1 сентября 1928 г., можно объяснить только одним. Тем, что далеко не случайно, 18 января, во время работы съезда, газеты опубликовали две важные информации: «О приговоре военной коллегии Верховного суда по делу Зиновьева Г.Е., Евдо-

кимова Г.Е., Гертик А.М. и других; а также «В народном комиссариате внутренних дел СССР», известившей об осуждении 78 видных сторонников Зиновьева. Они наглядно и убедительно продемонстрировали, что может ожидать несогласных с новым курсом Сталина.

Тем и завершились события, начавшиеся с выстрела Николаева в Смольном. Своим жестоким итогом показали, что Сталин воспользовался в своих политических интересах первым же случайно представившимся предлогом — убийством Кирова — совсем не для того, чтобы расправиться с рудиментарной оппозицией. Он прибег к крайним мерам, не применявшимся прежде к столь высоким по положению членам партии, только для того, чтобы заставить членов ЦК поддержать его новый курс. Отказаться от старой избирательной системы, а заодно и кардинально изменить конституцию...» (с. 125).

Повторяю, надо отдать должное Ю.Жукову, что он сумел проникнуть в суть кардинальной трансформации политической системы, нужной И.Сталину и аппарату для безраздельного господства. С 1936 года выборы окончательно превратились в акт гражданского повиновения народа политике правящего аппарата, а не механизм формирования органов реальной власти в обществе.

Ю.Жуков приводит следующий отрывок из интервью И.Сталина с Говардом:

«**Говард:** В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выбо-

рах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин: Мы примем нашу новую конституцию, должно быть, в конце этого года. Комиссия по выработке конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, **избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, и всевозможные общественные беспартийные организации** (выделено мной — Ю.Ж.). А таких у нас — сотни.

И далее Ю.Жуков, комментируя это высказывание И.Сталина, пишет: «Упомянув в беседе сотни общественных организаций, Сталин явно лукавил. Он не мог не знать, что еще 5—6 лет назад подавляющее большинство их прекратило существование, либо самораспустилось, либо было закрыто. На 1 марта 1936 г. в стране насчитывалась практически всего дюжина действующих массовых организаций, давно утративших свою самостоятельность.

Две самые многочисленные, охватывающие десятки миллионов граждан страны, являлись на деле частью партийно-государственных структур: комсомол (ВЛКСМ) и профсоюзы, объединенные своим высшим органом ВЦСПС, заменившим упраздненный в 1933 г. наркомат труда СССР. Три являлись, по сути, вспомогательными органами отдельных наркоматов: ОСО-АВИАХИМ (Союз обществ друзей обороны и авиационного строительства) по программам НКО занимался допризывной подготовкой

молодежи; ОСВОД (Союз обществ содействия водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях) выполнял те же функции, но применительно к задачам наркомата водного транспорта СССР; Союз Красного Креста и Красного Полумесяца являлся вспомогательным ответвлением республиканских наркоматов здравоохранения» (с. 207–208).

И вот здесь я не могу не остановиться на непоследовательности в рассуждениях Ю.Жукова. Он, с одной стороны, критикует И.Сталина и ту политическую систему, которая функционировала в 1930-е годы, а с другой стороны, пытается найти аргументы для оправдания тех или иных действий И.Сталина. Словом, стремится угодить и нашим, и вашим. Вот типичный пример такого приема, связанный с подготовкой Конституции 1936 года. Ю. Жуков пишет, что якобы И.Сталин хотел демократизации, хотел «породить настоящую, а не фиктивную предвыборную борьбу и острейшую состязательность на самих выборах — к этому и стремился Сталин, его соратники по реформированию; не к смене генерального курса на построение социализма, а всего лишь к уходу с политической сцены дискредитировавших себя партократов» (с. 210). Это заявление Ю.Жукова наглядно свидетельствует о желании обелить И.Сталина, ибо он не мог не знать, что все списки кандидатов в депутаты проходили процедуру рассмотрения и утверждения в соответствующих партийных комитетах. Без их согласия ни один кандидат не мог попасть в список. Ни о какой борьбе при системе представительной демократии в условиях диктатуры одной партии и речи быть не могло в принципе. Ю.Жуков изображает И.Сталина как борца с

консервативными большевиками, когда пишет: «Партократия отказывалась принять сущность политических реформ, выражала свое несогласие весьма своеобразно — демонстративным замалчиванием базисного положения новой избирательной системы, с которой и выступил Сталин...» (с. 210). Такое утверждение Ю.Жукова, как и другие подобные «сказки для простачков» преследуют только одну цель — обелить И.Сталина в глазах читателей, изобразить его как непримиримого борца с партократией. Одна из таких сказок — это создание подпольной партии троцкистов–зиновьевцев, которая де собиралась «скрытно выдвинуть собственных кандидатов в депутаты, может быть, провести их на выборах в Верховный Совет СССР и получить тем самым трибуну для свободного выражения своих политических взглядов. В этом и таилась опасность для сталинской группы реформаторов» (с. 210–211). Только спрашивается, каким образом троцкисты и зиновьевцы могли выставлять свои кандидатуры, если все списки утверждались в парткомах ВКП (б)? Выборы, проведенные в 1937 году, подтвердили ту простую истину, что аппаратчики никогда добровольно не сдают своих позиций, точно так же как И.Сталин и его ближайшее окружение не собирались делиться с кем-нибудь своей властью. Всех, кто пытался тем или иным способом протестовать против диктатуры партийного руководства, ждал только расстрел.

Более того И.Сталин, проводя свою политику, как раз и опирался на аппарат партии, а не действовал ему вопреки. Без аппарата он не смог бы управлять страной. И миф о реформаторском «узком составе ПБ» во главе с И.Сталиным,

который всеми силами стремился модернизировать страну, преодолевая сопротивление косных старых большевиков, а также преступную деятельность троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, каменных и им подобных, понадобился Ю.Жукову, чтобы как-то оправдать массовые репрессии, проводимые этой самой «узкой группой ПБ» (реформаторов), которые начались с периода форсированной коллективизации, отказа от политики НЭПа.

Показательно в этом отношении решение ПБ, принятое в середине 1936 года о якобы раскрытом очередном «антисоветском центре», на этот раз — «объединенном троцкистско–зиновьевском», провести с помощью суда над его «участниками» важную пропагандистскую акцию. Свою линию на укрепление основ диктатуры партийной–государственного аппарата И.Сталин и его ближайшие сподвижники подкрепляли террором. Вот как Ю.Жуков описывает решение ПБ по разоблачению очередной враждебной организации: «...уже 29 июля узкое руководство смогло — от имени ЦК — утвердить «Закрытое письмо», извещавшее всех членов партии о якобы раскрытой новой «антисоветской организации», «троцкистско–зиновьевском блоке». Сводилось же «Письмо» фактически к трем пунктам.

Первое. В текущем году НКВД «раскрыл» несколько «террористических групп» в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах. Ими руководил, направлял их деятельность некий «троцкистско–зиновьевский блок», созданный в 1932 г. Его возглавляли Г.Е. Зиновьев и известные его сторонники: Л.Б. Каменев, И.П. Бакаев, Г.Е. Евдокимов, троцкисты

И.Н. Смирнов, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян.

Второе. Задачей «блока» являлись «террористические акты» против С.М. Кирова, И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, С.В. Косиора, П.П. Постышева и А.А. Жданова — членов и кандидатов в члены ЦК. Конечная же цель «блока» формулировалась так: «Одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде, на Украине расстроит ряды ВКП (б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти».

Третье. Так как вся поименованная верхушка «блока» уже находилась в тюрьмах, в «Письме» утверждалось, что «все руководство террористической деятельностью в СССР взял на себя Троцкий». Однако, не располагая опорой внутри страны, он «забрасывает» в СССР «террористов», заведомо зная об их связях с гестапо. В «Письме» делался однозначный вывод:

«ЦК ВКП(б) считает необходимым... еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности...»

Такие призывы не оставляли ни малейшего шанса никому, включая первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, избежать обвинения в «двурушничестве» или хотя бы в «пособничестве», если узкому руководству потребуются вполне конкретные жертвы. Ради этого, собственно, и затевался процесс.

Всего две недели потребовалось руководству НКВД и лично Вышин-

скому, чтобы подготовиться к назначенному суду — открытому, показательному, призванному своей подчеркнутой гласностью убедить в справедливости обвинений, предьявляемых Троцкому и Зиновьеву, не только мировое коммунистическое движение и население Советского Союза, но и всю мировую общественность» (с.239).

В действительности важной причиной устранения Г. Зиновьева и его сторонников Л. Каменева, И. Бакаева, Г. Евдокимова и др. было то, что расправа с ними должна была окончательно и бесповоротно устранить с политической сцены страны не только очевидных, реальных, но даже и весьма проблематичных, потенциальных противников, сделать таким образом просто невозможной любую критику проекта новой конституции, особенно с позиций марксизма-ленинизма, позиций Октября. А такую вескую и аргументированную, убедительную для любого члена партии, серьезную критику, со ссылками на классические труды Маркса, Энгельса, Ленина, можно было ожидать лишь от тех, кто действительно глубоко изучил марксизм-ленинизм.

Все возможные грехи списывались на политических оппонентов И.Сталина и его соратников. Как пишет Ю.Жуков, «Прокопьевский процесс, скорее всего, должен был убедить население страны в том, что большинство аварий, если не все, происходит отнюдь не из-за крайне низкой квалификации рабочих, весьма слабых профессиональных знаний инженеров и техников, утвердившегося за годы пятилеток полного пренебрежения правилами техники безопасности. Происходят они по вине исключительно троцкистов — вредителей, диверсантов. На роль же симво-

лических жертв предназначались, как можно предполагать с большой долей уверенности, проживавшие и работавшие в Западной Сибири отнюдь не по своей воле видные троцкисты: начальник сельхозуправления ОРСа Кузбасстроя Н.И. Муралов (он был арестован сразу же после принятия решение ПБ о Кузбасском деле), начальник Сибмашстроя М.С. Богуславский, замначальника Химкомбинатстроя Я.Н. Дробнис. Все те, кто 15 октября 1923 г. подписал знаменитое «Заявление 46-ти» в поддержку позиции Троцкого.

Однако после августовского процесса, арестов Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и особенно после прихода в НКВД Н.И. Ежова первоначальные планы весьма серьезно скорректировали. 16 ноября по решению ПБ процессу в Западной Сибири придали узко локальный характер, ограничили круг его подсудимых никому за пределами Кузбасса не известными горными инженерами, а Муралова, Богуславского, Дробниса, а также Шестова и Строилова сочли необходимым судить в Москве. Тем самым Пятакову, Радеку, Серебрякову, Сокольникову придавалась роль некоего всесоюзного центра, руководившего на местах отдельными группами, в том числе и кузбасской. Ставилась цель окончательно и бесповоротно возложить на сторонников Троцкого и Зиновьева, как и предусматривалось «Директивой», ответственность за все просчеты, неудачи и ошибки при выполнении второго пятилетнего плана» (с.288).

В печати и на различных форумах одной-тремя фразами ритуально поминались троцкисты и зиновьевцы, классовые враги с одной единственной целью — вполне сознательно и преднамеренно соз-

давать атмосферу подозрительности, недоверия, следующим этапом чего должна была стать «охота на ведьм». Незаметно связывались воедино принятие новой конституции, утверждение новой избирательной системы с неизбежностью репрессий, которые называли «усилением революционной бдительности», «физическим уничтожением врагов». Тем самым исподволь в общественное сознание внедрялось представление о наличии в стране некоей «пятой колонны» — понятия только что возникшего в охваченной гражданской войной Испании.

Выступая на VIII чрезвычайном съезде Советов СССР, прокурор СССР А.Я. Вышинский заявил: «На все гнусные попытки и вылазки врага, посягающего на любимых руководителей советского государства и советского народа, советский суд отвечал и будет отвечать беспощадным разгромом бандитских шайк, применяя к ним, этим подлым преступникам, всю полноту и силу советского закона, всю полноту нашего закона, карающего смертью палачей свободы и счастья трудящихся масс».

И комментируя эту речь, Ю.Жуков пишет: «Все в этой сложной, выпененной фразе, рассчитанной на устную речь, было строго продумано, выверено, не случайно. И упоминание как вершителя приговора только суда, действующего на основе закона. И игнорирование пришедшей из далекого прошлого «революционной бдительности» или призыва к «уничтожению врага», что весьма напоминало вердикт суда Линча. Потому-то и возразить Вышинскому, полемизировать с ним не смог бы никто — ни

противники, ни сторонники внесудебных репрессий» (с.299).

2. Кстати, читая произведения И.Сталина, можно заметить исключительную склонность его к демагогии, страсть называть черное белым и наоборот. Например, он на встрече с выпускниками военных академий сказал; «мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему делу». И это заявление он сделал, утверждая в то же время расстрельные списки на бывших соратников, а также списки коммунистов, отправляемых в лагерь, по сфабрикованным обвинениям НКВД.

Или пример с К. Радеком. Вот что пишет о поведении И.Сталина Ю.Жуков: «Второй жертвой «охоты» на троцкистов стал К.Б. Радек, чья судьба была предрешена еще в день открытия процесса Зиновьева и Каменева. 19 августа Сталин телеграфировал Кагановичу и Ежову:

«Читал письмо Радека на мое имя насчет его положения в связи с процессом троцкистов. Хотя письмо не очень убедительно, я предлагаю все же снять пока вопрос об аресте Радека (выделено мной — Ю.Ж.) и дать возможность ему напечатать в «Известиях» статью за своей подписью против Троцкого. Статью придется предварительно просмотреть»⁴.

Анафему Троцкому, как всегда ярко написанную блистательным полемистом, опубликовали 21 августа. А месяц спустя Сталин счел, что мавр сделал свое дело и потому должен уйти. 19 сентября, отвечая на очередной запрос Г.Г. Ягоды, Иосиф Виссарионович, судя по всему, дал, наконец, согласие на арест Радека» (с. 109).

О беспределе в репрессиях свидетельствует и такой пример, ко-

торый приводит Ю.Жуков: «13 мая, несомненно, по предварительному согласованию со Сталиным, новый прокурор СССР А.Я. Вышинский направил в адрес ПБ пространную информационную записку, в которой в довольно мягкой форме сообщил о пересмотре им законности акции наркомвнудела по «очистке Ленинграда от социально чуждых элементов», проведенной с 28 февраля по 27 марта в связи с убийством Кирова и приведшей к изгнанию из старой столицы 11702 человек. Вышинский отметил, что в прокуратуру поступило 2237 жалоб, из которых было оставлено без удовлетворения 86% (1719), однако остальные 14% жалоб (264) признали законными, и высылки для их авторов пришлось отменить. Так как жалобы продолжали поступать, Андрей Януарьевич констатировал: «При вполне удовлетворительной в целом операции по очищению Ленинграда последняя выявила ряд грубых ошибок и промахов, объясняющихся главным образом ее спешностью, краткосрочностью и массовостью». Отметил в записке Вышинский и безобразное отношение к высланным местными бюрократами: «Руководители отдельных хозяйственных, научных и административных учреждений зачастую отказывают в приеме на работу лицам, представляющим справки о своей высылке или ссылке» (с.186).

Кстати, весьма примечательным является заявление, находящееся в полном противоречии с решением суда в январе 1935 г. по делу Зиновьева и Каменева, и с пропагандистскими материалами. Н.Ежов заявил: «Доказательств прямого участия Зиновьева, Каменева, Троцкого в организации этого убийства следствию добыть не удалось... Равно не было доказано

и то, что в убийстве Кирова принимали участие троцкисты».

З. Ю. Жуков задает в связи с т.н. Кремлевским разговором вопрос: «И все же следует уточнить: были ли объективные предпосылки или хотя бы теоретическая возможность существования заговора против Сталина и его группы? Ответ на этот вопрос может быть только положительным»

Но сформулируем вопрос иначе: могла ли в принципе существовать среди руководителей партии и государства в 1930-х годах политическая оппозиция той политике, которая проводилась И.Сталиным и его ближайшими соратниками? Ответ на этот вопрос, по моему убеждению, также должен быть дан положительный. Сам Ю. Жуков перечисляет те причины, которые могли породить, как он пишет, «сильные оппозиционные настроения, не раз перераставшие в открытые конфликты, разногласия, порожденные слишком многим. Во внутренней политике — провалом первой пятилетки, связанным с ним неизбежным поиском виновных, поиском выхода из кризисной ситуации. Во внешней — уже не вызывающая сомнения полная смена курса, которым с 1917 г. следовала партия, Коминтерн и СССР как государство. Помимо этого, часть наиболее сознательных, убежденных и вместе с тем самых активных коммунистов, особенно участников революции и гражданской войны, сохранили собственное мнение по возникшим проблемам, не желая ни принимать новый курс Сталина, ни становиться откровенными конформистами. Они продолжали ориентироваться только на мировую революцию, сохранение незыблемости классовых основ Республики Советов, диктатуры пролетариа-

та, не желали отказываться от того, что являлось смыслом их жизни.

Енукидзе и Петерсон, Корк и Фельдман, Ягода и его заместители по наркомату, начальники отделов НКВД относились именно к такой категории большевиков. К тем, кого следует называть непреклонными, несгибаемыми, «фундаменталистами». Они, да и не только они, в силу своего политического опыта не могли не понимать, к чему все идет. А к решительному сопротивлению их могло подвигнуть многое, но окончательно — вступление СССР в Лигу наций, пошедшая полным ходом подготовка создания Восточного пакта. Иными словами, воссоздание хотя и с новыми задачами, но все той же пресловутой Антанты, которая не так давно открыто боролась с Советской республикой в годы гражданской войны.

Повлиять на радикализацию настроений мог и отказ — перед главной угрозой фашизма — от прежней замкнутости, своеобразного сектанства Коминтерна, первые попытки создать народные фронты, объединившие же вчерашних заклятых врагов — коммунистов и социал-демократов. Наконец, последней каплей, переполнившей чашу терпения, могло стать и известное Енукидзе стремление Сталина изменить конституцию, исключив из нее все, что выражало классовый характер Советского Союза, его государственной системы».

Заговор, да еще с убийством политического противника, — эта форма политической борьбы не могла быть использована старыми большевиками, или, как выразился Ю.Жуков «фундаменталистами», по той простой причине, что они были многоопытными политиками, которые хорошо понимали, что результаты такого рода

военного переворота должны были непременно получить одобрение в партии и в народе. Однако в 1930-х годах такое уже было невозможно. Военный переворот был равнозначен самоубийству. А поскольку внутривнутрипартийная демократия была уже в конце 1920-х годах исключена из арсенала политической жизни, то единственным способом борьбы несогласных был т.н. «заговор», который мог быть реализован только при наличии большинства политических оппонентов на Пленуме ЦК или на съезде партии.

В силу вышесказанного я никогда не поверю в то, что Енукидзе и Петерсон готовили убийство членов ПБ, тем более по призыву Л.Троцкого.

Да и сам Ю.Жуков, после длинной цепочки рассуждений пришел к выводу, что «Кремлевское дело», затеянное поначалу как формальный предлог для разработки иного дела — «Клубок», вскоре оказалось самодовлеющим, хотя и лишенным настоящих оснований, превратилось в страшный по результатам фарс» (с.182–183). И еще одна цитата: «Розенфельд и Синелобов, судя по доступным сегодня документам, были обречены, загодя предназначены в жертву. Ведь их аресты ничем формально не мотивировались: ни чьими-либо показаниями, ни хотя бы доносами. И потому можно с большой долей вероятности утверждать, что НКВД действовал по некоему заранее подготовленному плану. Его сотрудники давно уже и тщательно вычислили, кого необходимо арестовать для создания «дела», для быстрого выведения следствия на Комендатуру Кремля (КК) и правительственную библиотеку. Словом, на «Кремль». И как заодно связать искомую «контрреволюционную организацию» с одним из быв-

ших лидеров бывшей внутривнутрипартийной оппозиции — с Каменевым. (с.134–135).

Таким образом, теория «заговоров» коммунистов с целью государственного переворота во всю эксплуатировавшаяся НКВД и И.Сталиным для оправдания репрессий, не выдерживает никакой критики, ибо противоречит самой логике той системы, которая существовала в 1930-е годы в СССР и тем условиям, в которых протекала политическая жизнь страны.

4. Нельзя не затронуть еще одну важнейшую цель И.Сталина — ликвидацию идеологически боеспособной партии, стоящей на позициях марксистско-ленинской идеологии. Именно это задачу решал И.Сталин в 1936 году наряду с ликвидацией последних остатков Советов. Как пишет Ю.Жуков, «не оставалось сомнений, что из партии прежде всего целенаправленно исключались члены той самой «объединенной оппозиции», которая в 1926—1927 гг. вобрала в себя практически всю сознательную — самостоятельно и критически мыслящую — часть ВКП (б), в равной степени сторонников Троцкого, Зиновьева, «децистов», группы Шляпникова «Рабочая правда». Ну, а это предвещало очень быструю стагнацию существующей партии, отныне складывавшейся из двух совершенно разнородных, несопоставимых по численности, противоположных по своим интересам идеологизированных частей. Из основной массы, крестьянской по происхождению и потому сохраняющей прежнюю мелкобуржуазную идеологию, к тому же в большинстве (90%!) неграмотной, неуклонно превращавшей ВКП (б) из изначально сознательной, боевой политической организации в аморфное, существующее лишь из-за сво-

ей многочисленности некое конформистское «общественное движение». И из крайне малочисленной части — «вождей»: секретарей всех уровней, от городского и районного до ЦК нацкомпартий, а также из штатных работников тех же комитетов, уже практически переродившихся в чисто бюрократический социальный слой» (с. 275).

Боялся И. Сталин и сложившейся к 1936 году партократии, вершившей свою власть на местах. Как правильно отмечает Ю. Жуков, «ведь в конечном итоге генетически — своим партийным стажем, революционным прошлым, участием в гражданской войне — партократия была не только чрезвычайно близка левым, но и едина с ними всего десять лет назад. И потому могла, повинувшись лишь чувствам, даже неожиданно для себя поддерживать своих прежних товарищей по большевизму, выступив вместе с ними против реформаторской группы Сталина» (с. 277). И против нее начали осуществляться превентивные меры.

5. Как пишет Ю. Жуков, «14 мая 1935 г. «Правда» на первой полосе, в том месте, где обычно помещались передовицы, опубликовала постановление ЦК ВКП (б) «О реорганизации Культпропа ЦК ВКП (б)». Согласно этому документу вместо Культпропа в составе аппарата ЦК ВКП (б) создавалось пять отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательства; школ; культурно-просветительной работы; науки, научно-технических изобретений и открытий.

Текст документа однозначно свидетельствовал об установлении с этого дня всеохватывающего и абсолютного, притом совершенно открытого, отсутствовавшего ранее идеологического контроля со стороны сталинской группы. Новые

отделы в совокупности превращались в несуществующий конституционно союзный наркомпрос, получали право направлять по воле и указанию лишь узкого руководства развитие национальных, еще вчера бывших независимыми от Москвы, образования, культуры, науки, печати и издательств союзных республик. Вместе с тем этим же постановлением делался и первый конкретный, бросающийся в глаза шаг от федерации к унитарному государству» (с. 183).

Курс на сверхцентрализацию управления всеми сторонами жизни народов СССР, когда дело дошло до того, что даже строительство туалетов в городах и поселках страны планировалось из Москвы, в 1980-х годах породило мощную волну сепаратизма и национализма, который был одним из основных факторов развала СССР.

Подводя итог, можно сказать, что кардинальное изменение социально-экономической политики, озаглавленное отказом от НЭПа, откровенным волюнтаризмом, сверхцентрализацией управления всеми сторонами жизни страны, не могло быть осуществлено без репрессий, которые стали характерной чертой 1930-х годов, а также без изменения принципов организации политической жизни страны (отказ от прямой демократии). В итоге сформировался тот тип социализма, который я именую государственным. Социализм, в котором трудящиеся отчуждены от управления принадлежащей им собственностью, где ею бесконтрольно распоряжается партийно-государственный аппарат, который паразитирует на этой собственности.

Диктатура немыслима без закручивания гаек, периодических кампаний по промыванию мозгов,

а при обострении внутривластической обстановки — без массовых чисток и даже репрессий. Уже в начале 1937 года на пленуме ЦК, начавшегося 27 февраля, И. Сталин назвал контрольные цифры неугодных лиц, которые должны лишиться своих постов. Партийных руководителей: 3—4 тыс. — высшего звена, 30—40 тыс. — среднего и 100—150 тыс. низового. Указал он и срок — шесть месяцев, когда придется «вливать в ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения», то есть как раз до выборов в Верховный Совет СССР и местные советы. И этот призыв генсека сразу же был подхвачен участниками пленума. Так, «Е. Г. Евдокимов сразу же, с готовностью признал свои ошибки, правда, не вдаваясь в детали, и тут же заговорил о засилье «врагов» в Азово-Черноморском крае. «Везде в руководстве сидели враги партии — и первые, и вторые секретари... Почти все звенья затронуты, начиная с наркомзема, наркомсовхозов, крайвнуторга и так далее. Крепко, оказалось, засели и в краевой прокуратуре... Две организации чекистов возглавлялись врагами партии. Весь огонь враги сосредоточили на захвате городских партийных организаций».

Вину за такое положение Евдокимов целиком и полностью возложил на своего предшественника — Б. П. Шеболдаева. Да еще на А. Г. Белобородова, принципиального и твердого троцкиста, работавшего перед арестом 15 августа 1936 г. уполномоченным комитета заготовок по краю.

Недалеко от Е. Евдокимова по образу мышления ушел и П. Поштышев. Снятый недавно с поста второго секретаря ЦК КП (б) Украины, он нашел единственное весомое и бесспорное оправдание своим ошибкам. С гордостью заяв-

вил: «Мы ведь на Украине все-таки одиннадцать тысяч всяких врагов исключили из партии, очень многих из них посадили». Сходными по сути оказались выступления Б. П. Шеболдаева, И. Д. Кабакова, Я. Б. Гамарника, А. И. Угарова, А. В. Косарева» (с. 356—357).

Как выяснилось на том же пленуме из выступления Я. Яковлева, который ссылался на данные КПК, число исключенных из партии далеко не равнозначно количеству «врагов», что большинство бывших членов ВКП (б) пострадали не из-за своих троцкистских убеждений, а по иным, более простым, прозаическим причинам — из-за казенщины, бюрократизма и равнодушия к людям. Яковлев рассказал: «Когда мы, Комитет партийного контроля, познакомились со 155 исключенными на трех предприятиях (Москвы — Ю. Ж.), из них 62 исключили за пассивность. Из этих 155 две трети работают на производстве больше десяти лет. 70 — слесари, токари, шлифовальщики, инженеры, техники. Из этих 155 122 — стахановцы. В чем же здесь дело? Мне кажется, дело в том, что здесь имело место... отсутствие внимания к людям».

Не ограничиваясь примером по столице, Яковлев привел данные по НКПС. «На сети железных дорог — сообщил он, — насчитывается около 75 тысяч исключенных из партии» при общем числе коммунистов там 156 тысяч. Столь удручающий результат чистки он объяснил так: «Исключена очень большая часть за пассивность, политнеграмотность и неуплату членских взносов». И бросил обвинения в адрес пленума: «ЦК потребовал, не на прошлом пленуме, а на пленуме, который до того был, в конце 1935 г., товарищ Ежов поставил перед москвичами во-

прос: у вас плохо с поиском и изгнанием из партии врагов. В ответ на это ряд организаций быстро нагнал нужный процент» (с.357). Бездумные, формальные чистки повсюду привели к резкому уменьшению областных и краевых организаций — почти наполовину. Получалось, что И.Сталин и его подручные старательно рубили тот сук, на котором сами же сидели. Позже И.Сталин вынужден был нажать на тормоза, ибо политика репрессий грозила крахом самой диктатуре. Вот один пример. 13 февраля 1937 года была отправлена следующая телеграмма: «По имеющимся в ЦК материалам, некоторые секретари обкомов и крайкомов, видимо, желая освободиться от нареканий, очень охотно дают органам НКВД согласие на арест отдельных руководителей, директоров, технических директоров, инженеров и техников, конструкторов промышленности, транспорта и других отраслей. ЦК напоминает, что ни секретарь обкома или крайкома, ни секретарь ЦК нацкомпартии, ни тем более другие партийно-советские руководители на местах не имеют права давать согласие на такие аресты. ЦК ВКП (б) обязывает Вас руководствоваться давно установленным ЦК правилом, обязательным как для партийно-советских организаций на местах, так и для органов НКВД, в силу которого руководители, директоры, технические директоры, инженеры, техники и конструкторы могут арестовываться лишь с согласия соответствующего наркома, причем в случае несогласия сторон насчет ареста или неареста того или иного лица стороны могут обращаться в ЦК ВКП (б) за разрешением вопроса» (с. 368–369).

28 марта 1937 года был арестован Г.Ягода, руки которого были по

локоть в крови сотен тысяч невинно осужденных. Такая же участь ждала и Н.Ежова, осуществившего чудовищную по масштабам репрессивную операцию, получившую в народе название «ежовщина», а после смерти Сталина был уничтожен и Л.Берия. Однако все эти три палача были лишь аккуратными исполнителями той политики, которую проводил И.Сталин. И никакого «иного», как стремится доказать Ю.Жуков, И.Сталина в природе не было. Не было И.Сталина — реформатора и демократа. Не было И.Сталина — борца с партократией и бюрократией. На местах — в республиках, краях и областях правили Сталины рангом поменьше, но такие же по своей сути. В истории СССР был лишь один единственный И.Сталин, который в конце 1920-х годов порвал с марксизмом, возглавив нарождавшуюся диктатуру партийно-государственного аппарата.

И нет никакой логики в следующем выводе Ю.Жукова, которая противоречит самой сути той иерархической системы власти, которая существовала в 1930-е годы в СССР: «репрессии первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов стали неизбежным и логическим развитием давнего противостояния их с реформаторами, сталинской группой, перешедшего с мая 1937 г. в новую фазу — безжалостную и кровавую» (с. 457). В конце своего повествования и сам Ю.Жуков засомневался в вышесказанном, когда написал, что «столь же однозначно расценить удар, нанесенный по другой, не менее влиятельной составляющей широкого руководства — членом совнаркома СССР — весьма трудно, даже просто невозможно из-за отсутствия достаточных данных об их политических взглядах. Между тем прихо-

дится констатировать, что урон, понесенный правительством Советского Союза, оказался столь же тяжёлым, как и причиненный ЦК ВКП (б)» (там же). Губительным он оказался для всех структур государственного аппарата, особенно для армии и контрразведки.

Волюнтаризм в политике, так же как и волюнтаризм в экономике никогда не остается без катастрофических последствий. Это доказала

и деятельность всех последующих генсеков – Н.Хрущева, Л.Брежнева, Ю.Андропова, К. Черненко и, конечно же, совершенно чудовищного по своей безнравственности и страшным последствиям предательства М.Горбачевым своей Родины, чего все-таки нельзя сказать про всех предыдущих лидеров коммунистической партии СССР, стремившихся нарастить могущество страны, в том числе и И.Сталина.